«СОВРЕМЕННИК»

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

ТУТИ-ДОРОГИ пересеклись и разошлись. Тихие участники инструментального ансамбля заняли свои места где-то между сиреневыми одноколейками, зажглись цветные прожектора, тревожно устаивившись в зал, зевнули ударила. И, взяв микрофоны, как эстрадные шансонье, на сцену вышли Алла Покровская, всегда размышляющая в роли глубже того, кого она играет, и печальный Олег Табаков, всегда играющий больше того, что можно сыграть.

Назывался «Вкус черешни». Милые, удивительные современниковцы! Их, как первую свою любовь, вновь встретили ленинградцы.

Но вернемся к «Вкусу черешни». Агнешка Осецка написала трогательный, концертизированные диалоги о разведенных супругах. А песенки перевел Булат Окуджава (теперь в «Современнике» поют и Владимира Высоцкого, только в другом спектакле).

Играют двое, как мне показалось, чуть растерянно, виновато поглядывая в удивлено замерший зал. «Аля, — по-цирковому комендует Табаков, и с колосников опускаются костюмы, в которые он и партнерша облачаются. За приятной и легкой игрой знакомых исполнителей видневется между тем граница, а за нею как бы уже бездна. Потому что для «Современника» играть даже весьма содержательный конфликт между супругами со всеми моралями и вздохами по ушедшему чувству очень мелко и непривычно. И все же есть тут набившее, свое, какая-то обида. В их горьковато-прямых интонациях по поводу всей этой истории с дорогами, расходящимися в разные стороны, есть теплота.

«Ах, пани, панове, — с грустными улыбками поют зелу [illegible] краковяка и Табаки, — что было, то сплыло, того уж не вернешь...»

Помимо оттенков чувств, относящихся к судьбе разведенного супруга, на лице Табакова, словно бы тень, время от времени накладывает какая посторонняя забота, может быть (профанизируем!), имеющая отношение к его новому посту директора театра.

Нынче «Современник» словно на перевалочной станции.

Им был создан в свое время образец не расслаивавшегося на имена ансамбля. Одухотворенное единство поднимало к вершинам искусства и самыя, казалось бы, обычные авторские индивидуальности. А в новых спектаклях, привезенных на гастроли, и частично уже в старых заметнее актеры, отделившись, нарушив трепетную общность, внезапно обнаружили свои профессиональные слабости, прежде для зрителя незаметные. Другие ушли из театра — Олег Ефремов, Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков.

Теперь — или новый этап, или... «творческий кризис? Но за судьбу «Современника» ответственны вовсе не только его актеры. То поколение зрителей, которым он предназначен и от имени которого говорит, в полной мере разделяет тревогу. Во всяком случае нам, зрителям, не хотелось бы делать терпеливый вид.

Вот театр показал свои «Мастеровые». И понятна содержательность спора, возникающего здесь, об истине, соединяющей искусство и жизнь, и обмане, их отторгающем друг от друга. Как будто спор этот намекает на современные мотивы жизни, но какими-то невидимыми путями проникают сюда неизменная отвлеченность, холодноватая стилизация. Актеры кажутся играющими весь спектакль на носках, и некоторые из них даже как будто порхают над сценой. В традициях ли это «Современника», всегда жаркого и трезвого в изображении народных типов?

А. Мягков, так полно и обнаженно открывающийся в других гастрольных спектаклях, здесь играет в несвойственном для себя температуре, с горящим взором, в пышном парике. Уходит от себя! И в образе мастера Живко производит странный эффект игорного орла! Занятия на карманный надувной [illegible]-романтического героя выглядят соперник мастера-новатора на мастер более умеренных взглядов. Найден. Этот в спектакле время от времени начинает [illegible] вдоль рампы под музыку с танцевальными жестами, как бы символизируя свою преданность ориентальным мотивам народного творчества. Также и вся игра Е. Миллиоти уходит на поддержание заданного характерного рисунка — ее старушка говорит нараспев... Нет сомнения в чистоте этой легенды, благородства мыслей автора, но избыток изящества и пластики, всюду напоминающих о себе, наводит на мысли о том, что мостика к залу для этой легенды актерам так и не удалось найти.

Известные кинематографисты А. Алов и В. Наумов в трагикомический фарс «Тоот, Мейера и Мейера» поставили почему-то как непритязательную комедию в бытовых приемах, достаточно известных, «забыв» нагрузить актеров интересными заданиями. Драматический эксцентризм промелькнул только в конце, но ведь зритель смотрит пьесу с начала: силуэт в ночи вырастает до [illegible] ла... Не случайно Р. Суховерко, Н. Дорошина, Г. Соколова не проявляют самобытности, талантливые исполнители здесь должны смешить, преувеличивать, а такая игровая манера словно бы закрывает их как личности от зрителей. Получается, что профессионально они «справляются», но искра «своего» утопает в жанре. И только Олег Табаков и еще, пожалуй, А. Мягков в роли священника сохраняют при остроте игры верность и своему «я».

ПО РЕЖИССУРЕ этого спектакля, попросту поверхностной, невозможно судить сегодня о «Современнике», поэтому следует обратиться к серьезным его работам — «Не дни» и «Чайка», поставленным Галиной Волчек и Олегом Ефремовым.

...На черных уступах, спускающихся к рампе, словно сброшенные под откос, валяются несчастные, поверженные люди. Известно, что в годы рождения пьесы М. Горького сам государь-император изволил выступить против сочувственного изображения босячества «босяцким автором». «Из театра публика выносит тяжелое впечатление, — жаловалась высочайшая особа, — особенно трудно вериться для людей озлобленных и недовольных жизнью».

Вряд ли вообще пьеса имеет отношение к «темным элементам», которых было бы опасно романтизировать. Здесь философски обобщены люди, сброшенные за недостойство действительностью на дно жизни.

«Современником» демонстрируются действительно задворки душ, но театр не потирает довольно руки от сознания, что [illegible] для них душой, отвергающет себя несвойственными своей натуре ролями и привязанностями. С завлаженными взглядами оглядываются порой на ближнего—вот-вот поймут друг друга,—но возникающие было связи обрываются. «О, колдовское озеро!» — взволнованно прогудит Дорн у Е. Евстигнеева, запричитает, прорвавшись к откровению, Маша — Н. Дорошина, звуки бегущей мелодии затоплят надежды этих людей, и в центре всех на мгновение окажется Нина — А. Вертинская с двумя красными цветками любви в руках-крылышках. Но тут как раз за спинами появится встревоженный, несчастный Треплев — человек с каной-то поистине сосредоточенной темпераментностью лучшего молодого парня, тянется к добру и свету. А Барон с злым рвением бодливого сатира! Когда ему предлагают встать не чаевыреньки и залезть, разве не отвлекрывает здесь в игре А. Мягкова другое измерение образа, образа не плачет здесь человек невидимыми слезами и не приходит к нему драматическое осознание того, что загнанного на дно легко унижать?..

«Современник» нарушает обычные представления о классике, но не лишает ее человечности. Это «видно и в противоречию, блекло сыгранной, но непростой и загадочной «Чайке», поставленной Олегом Ефремовым. Люди пытаются пробудиться к жизни, но из несостоявшихся надежды рассыпают как миражи. Приглушенные обыкновенностью, перепутанные словно карты, покорно тащатся за теми, кто вовсе не открыт обобщения, словно постановщик хотел сказать, что на земле останется только этот голос, поверженной и обманенной девочки, этот зов, застывший над озером.

В кинозаправедешности, с какой играется Заречная А. Вертинской, имеются свои противоречия. В игре нет рельефности, виден только персонаж. Истинно театральной игры, которая бы обнажила раны души перед зрителем, здесь недостает. И это неспецифично для театра, где все должно переливаться через рампу к зрителям. Но и в такой манере игры, как бы за четвертой стенкой, А. Вертинская кажется нам искренней и глубоко сочувствующей своей изящной, с «ангельским» ликом Нине. Сначала она смешная, и робкая, и шаловливо внимательная к «большому писателю». А в финале с холодной усмешкой, перестрадавшая, говорит о сопоставлении с чайкой, как об аналогии пошлой.

ПРИ всем профессиональном опыте эта талантливая актриса теперь представляет новое, молодое поколение современниковцев. Как много зависит теперь от них! Ленинградцы впервые познакомились с младшими современниковцами — Т. Дегтяревой, А. Вознесенской, О. Шкловским, С. Сазонтьевым, А. Кутузовым и другими.

Нынешним молодым актерам «Современника» еще придется, как и тогда, когда начинался их театр, искать свою гражданскую тему. Когда-то он сплотил драматургов вокруг себя. Ищут ли своих драматургов нынешние молодые актеры? Когда-то «Современник» подвиг нравственные проблемы до зрелого гражданского звучания, а после углубил их, преобразив в исповедь о народной судьбине: так были поставлены «Без креста», «Народовольцы», «Большевики» (последний был показан на гастролях). А в какой мере младшие современниковцы проникнутся этой исповедью? В эстетическом плане их театр когда-то оказался одним из первых реформаторов сценической игры. Актеров-основателей, помнится, обвиняли в отсутствии привычного профессионализма, не понимая, что просто пошла другая игра. Их упрекали, что в их искусстве не видно граней, где жизнь, а где театр. Грань должна была быть, а ее не было. Журналы, ругали, но шли вновь в «Современник» не видеть этой самой грани, которая, по всем показаниям, должна была быть. А слышат ли молодые актеры сегодняшнего «Современника» столь частые обвинения в свой адрес? Пойдут ли к ним зрители, как в Москву-витрской естественности?

И вообще, по каким путям пойдут теперь актерские поиски? Всегда благотворное влияние оказывал на них Ефремов как автор. В нынешние гастроли он вновь прозрачно и обязательно просто сыграл в «Назначении». Кажется, что изнобленный мотив Ефремова-актера — раскрепощение личности, ее душевная солидарность с людьми. Ефремов как будто только один знает в начале эту серебряную область простоватости, распахнутость души, где таится сокровенная правда человека, как, впрочем, и великий обман... Его актерский аппарат подобен звукоулавливателю высокой чувствительности...

Но Табаков, ставший во главе театра вместе с Квашой, Волчек, Мягковым, будет оказывать как актер другого плана иное воздействие на актерский почерк театра. Табаков склонен к выразительной выразительность, живописности и резким оценкам. Характерности, очень цепкие, слепят в его игре своими наблюдениями в жизни правдивыми. Его братец Лайкин из «Баллады о невеселом кабачке», также показанной нынче, скорее из вполне натуральных, но сшалмливающих психологических вывихов...

Его неудержимо смешная и узнаваемая продавщица из «Всегда в продаже», вот посмотрите от дурацких идей господин майор и пижонный лоялист-эстайник («Вкус черешни») — все это заразительно и изобретательно представленные сарказтические миниатюры. Такое требует в особой формы спектакля и соответствующего ансамблевого окружения.

Нет, придется «Современнику» родиться еще раз, должно завязаться другое единство, может быть, с более свободными, нестабилизированными связями между исполнителями, довольно своевольными. Ансамбль можно поднять в ширь, в глубь, он может существовать на разных принципах.

ТРУДНО передать, что чувствовали поклонники «Современника» в годы, когда он одерживал первые победы, давая надежды всем веру целому поколению зрителей. Еще у многих не зажили раны, оставленные войной, когда «Современник» показал «Вечно живых». В ночи над сценой вспыхнул факел вечного огня, а в небе рассыпался салют.

С тех пор факел вечного огня как бы вспыхивает в лучших созвездиях «Современника». Подобно мятовской чаховской чайке или вахтанговской сирени, можно было бы эмблемой «Современника» считать этот факел из «Вечно живых».

«Современник» нести свою тревогу, свой факел нелегким, в том числе и перекрещивающимся, дорогами. Зритель — верить в «Современник».

Ю. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ

СМЕНА
г. Ленинград
26 ИЮЛ 1971

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Идет культивация посевов.

НАГРАД

[illegible] ом заме исполнителя Вер[illegible] РСФСР, [illegible] ского гор[illegible] Завершки по [illegible] дуэта Вархо[illegible] Р вручила [illegible] Советского Со[illegible]ета работни[illegible]ского автомо[illegible]рта и дорож[illegible]

[illegible]стигнутые в [illegible]ной пятилет[illegible]вразовым на[illegible] грузов и [illegible]троительству, [illegible]кавию авто[illegible] орден Ленин[illegible]ер пассажир[illegible] предприятия [illegible], шофер ра[illegible] 41 В. Г. Ко[illegible]всемирного [illegible]приятия № 3 [illegible]ер пассажир[illegible]ного пред[illegible] В. Корзин[illegible], мы № 1103 [illegible]ксаварь пас[illegible]ского пред[illegible] А. Симонь[illegible]зового пред[illegible]приятия [illegible], шофер [illegible] 1103 В. М.

[illegible] Ленинград [illegible] на Октябрь[illegible] Трудового «Знаю Почет[illegible]ную добр[illegible]дарова отзы[illegible] (ЛенТАСС)

ЭКСКАВАТО

Когда входишь в 6-й цех Ижорского завода, кажется, что здесь полнейший беспорядок. И лишь забравшись в «капитанскую рубку», как тут называют служебное помещение начальников участков и мастеров, осознаешь ошибочность первого впечатления. Отсюда все выглядит иначе. Отгороженные щитами рабочие площадки, на которых идет сборка кабин экскаваторов, напоминают пчелиные соты. Деловито шипят автогенные аппараты, разрезая листы металла. Каркас, обрастая деталями, постепенно приобретает вид кабины экскаватора. Рядом с ней небольшой диск бороны выглядит пилипутом. По мере роления, да дорог. Изготовление этих дисков является для шестого цеха не менее важным делом, чем сборка экскаваторов. Это почетный заказ сельского хозяйства. И к нему мастера относятся со всей серьезностью.

Вот, к примеру, диск бороны. Простая на вид деталь, а должна пройти пять операций. Вначале восьмимиллиметровый лист металла поступает на заготовительный участок, к разметчикам из бригады имени 50-летия ВЛКСМ. Комсомолки Зина Волкова, Наташа Сухарева и Таня Зорге ловко раскроили лист и направили заготовку дальше. Теперь дело за кузнецами-штамповщиками, которых возглавляет О. Н. Шишков. Этот коллектив одним из первых на заводе подхватил почин кировцев: «Пятидневку — за четыре дня!»

Раньше за смену бригада штамповала 250 дисков. Посоревновавшись друг с другом, придумали кузнецы несколько приспособлений на молоте, доведя тем самым производительность труда почти в полтора раза. Теперь бригада выдает 400 дисков в смену. Но и на этом не остановились. Сейчас кузнецы ищут новые пути повышения производительности труда. Ставят перед собой задачу — 500 дисков в смену.

Дальше диск бороны идет к прессовщикам. Здесь его обрабатывают, выравнивают, обрезают лишнее. Затем диск попадает к сварщикам. Сварщики — тоже ударники. Они выполняют задание на 150 процентов. Сварщики — Ю. Ф. Ковалев, Ю. Ф. Ковалев, Ю. Ф. Ковалев,